

Мясницкий Иван Ильич

Без претензий

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Без претензий / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 306 с.

ISBN 978-5-519-98465-2

ISBN 978-5-519-98465-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

обидѣть. Знаю, что такіа слова тебѣ непріятны, я и не говорю.

— Ничего непріятнаго нѣтъ, говори, пожалуйста.

— Не такая я, чтобъ говорить. Другія жены и не то еще мужьямъ могутъ, а я не могу. Поэтому знаю, что ты сейчасъ ругаться начнешь и всѣми арміями попрекать меня начнешь... Налить чаю-то?

— Налей, пожалуйста.

Яковъ Семеновичъ подсѣлъ къ длинному столу, супруга зазвенѣла чайной посудой.

— Прекрасная погода, — заговорилъ снова Яковъ Семеновичъ, потягиваясь, — совсѣмъ, понимаешь, другое оживленіе въ себѣ чувствуешь. Насморкъ вотъ у меня цѣлыхъ двѣ недѣли былъ, а сейчасъ и насморка не чувствую. Что значитъ морозецъ-то, снѣжокъ-то, что значитъ!

— Мало ужъ очень его.

— Подсыпетъ. У Бога, мать, всего много. По моему, сейчасъ что хорошо бы: маленькую оттепель, этакъ часика на два, потомъ снѣжку часика на три, а потомъ морозцу градусовъ десять.

— Рожна бы тебѣ еще горячаго. Распорядитель какой явился. Это ты въ «Московскомъ» можешь всякія селянки да растегаи заказывать, а погодой распорядиться не можешь.

— Да я и не распоряжаюсь... говорю: хорошо бы этакъ-то.

— И не можешь. Не дано тебѣ этого. Къ

«Яру» уѣхать можешь, пѣвицъ шампанскимъ поить совѣсти у тебя хватить.

— Тьфу! Да когда я у «Яра» шампанскимъ пѣвицъ пойль?

— Поиль. Это ты можешь, на то тебѣ, дураку, и глупость дана, чтобъ безъ жены въ разные кабинеты...

— Эхъ, баба! — отмахнулся Яковъ Семеновичъ, — только что было въ человѣка хорошій мажоръ вселяться сталъ, а она его сейчасъ по шеѣ.

— Правду я тебѣ говорю, оттого твоей обжорѣ это и неприятно. Меня извозчикъ насилу до сестрицы дотащилъ, два раза плакалъ, а ты погоду восхваляешь. На зло это мнѣ, я такъ понимаю. Отъ сестрицы на колесахъ тащилась-тащилась, а ты обжоръ кричишь!

— Мажоръ, тебѣ говорятъ.

— Все равно, слово глупое, которое я понимать не желаю. Смотрю я, смотрю на тебя, да и пущу тебѣ, дураку, маіора съ штабсъ-капитаномъ.

— Пожалуйста, не стѣсняйся. Я много на своемъ вѣку всякихъ глупостей слышалъ.

— Не нравится? Ругаться началъ? Доняла и я тебя?

— Тьфу! Ну, что съ тобой, глупой, говорить. Подай лучше коньяку къ чаю!..

Яковъ Семеновичъ бултыхнулъ изъ бутылки въ стаканъ коньяку и сдѣлалъ нѣсколько глотковъ.

— Василий Ѳедорычъ тебѣ кланяется, — началъ онъ снова, смотря исподлобья на жену.

— Мерси за память обо мнѣ. Только удивительно, съ чего это онъ вдругъ мнѣ поклоны посылать началъ?

— Какъ съ чего? Кумъ, напрімѣръ, и почему поклоны?

— Ѳедюшку у насъ крестила его жена, а не онъ.

— Не все ли равно: мужъ да жена — одна сатана.

— Ну, это еще неизвѣстно. По моему, ты въ тысячу разъ сатанистѣе, ничѣмъ я. Что они всѣ здоровы?

— Слава Богу. У кумы тутъ какъ-то рожа начиналась, да прошла. Нынче они за городъ собираются... первопутку обновить.

— Избави Богъ отъ такой первопутки. Я до сестрицы-то часа полтора тащила, да извозчикъ весь слезой изошелъ.

— Плохой извозчикъ. Мы пару возьмемъ.

— Кто это вы?

— Да мы съ тобой. Василий Ѳедоровичъ непремѣнно просилъ за городъ.

— Я не поѣду. По камню вдругъ, да черезъ всю Москву. Съ ума я еще не сошла.

— Не вездѣ камень. Я изъ города чудесно доѣхалъ. Такъ кое-гдѣ прихватываетъ, и то, самые, можно сказать, ничтожные пустяки.

— Для тебя пустяки, а для меня утружденіе.

Да и дѣлать за городомъ нечего. Пѣвицъ твоихъ я не видала, что-ль? Достаточно мнѣ ихъ рожи опротивѣли. Ты пей чай-то лучше.

— Я пью.

— И пей. Чего тебѣ еще надо? И чай подь носомъ, и коньякъ хорошій... за городомъ сейчасъ съ тебя сколько за коньякъ возмуть?

— Я пью. Разница-то только въ томъ, что мажору дома не чувствуешь... поняла?

— И безъ него обойдешься

— Обойтись, конечно, и безъ всего можно, а только такъ это... Василий Ѳедорычъ ѣдетъ... снѣжокъ этакій... морозецъ... для чувствъ это пріятно...

— А ты пей чай съ коньякомъ и чувствуй, что тебѣ угодно...

— Оно, конечно... отчего-же... а все-таки не то. Такъ ты не того?

— Насчетъ чего это?

— Насчетъ подрѣзовъ-то?

— Съ мѣста не сдвинусь. Меня и такъ сегодня твоими подрѣзами растревожили достаточно... Извозчикъ ревѣть принимался, чего ужъ тутъ!..

— Такъ. А то знаешь, можно за тройкой послать... на тройкѣ сколько хочешь пудовъ неслышнымъ манеромъ свезуть...

— Экъ, вѣдь, какъ тебя этотъ прожоръ-то твой проклятый разбираетъ!

— И опять дура! При чемъ тутъ мажоръ? Конечно, безъ мажору за городъ ѣхать скучно,

а все-таки онъ тутъ не причемъ. Главное, кумъ просилъ... для компаніи... и куму, говоритъ, давно я не видалъ, такъ очень это пріятно будетъ...

— А кто ему запрещаетъ меня видѣть? Адресы мои ему извѣстны, завсегда можетъ пріѣхать для почтенія...

— Такъ-то такъ, да развѣ скоро соберешься: то нельзя, то некогда, то одно дѣло, то другое...

— За городъ вотъ нашелъ же время поѣхать...

— Для кумы это онъ больше. На нее тоже этотъ мажорный стихъ нашелъ...

— На куму? не повѣрю.

— Самъ-же мужъ говоритъ, а ты не вѣришь...

— И мужъ вретъ. Не такая она дама, чтобъ всякой дряни поддаваться. Что на Василя Ѳедорыча прожоръ такой нашелъ, это такъ... и кума дура, ежели она съ нимъ ѣдетъ... я къ сестрицѣ полтора часа тащила, извозчикъ обревѣлся, а она на мученіе себя тащить дозволяетъ... Ты пей чай-то съ коньякомъ лучше!

— Я пью. Что ты меня все подгоняешь, я вѣдь не извозчикъ, который тебя давича сдуру къ сестрѣ возилъ...

— Не подгоняю я тебя, а потчую. Изъ расположенія къ твоей судьбѣ, а не то чтобы изъ за чего-нибудь. То-ли дѣло дома: сидишь ты безъ стѣсненія, въ какую хочешь позу развалиться можешь, что хочешь съѣшь, что пожелаешь—выпьешь. А то ни съ того, ни съ сего по камню душу свою вытрясать, да ѣхать къ

чертямъ на кулички. И для чего, спрашивается? Пѣвицъ угощать? Такъ и безъ тебя тамъ дураковъ достаточно... Было бы болото, а черти всегда найдутся.

— Да что мнѣ пѣвицы, дура! Главное мажорное расположеніе во мнѣ по случаю погоды, а во вторыхъ—кумъ.

— Кумъ и безъ насъ обойдется. И безъ тебя съ пѣвицами распорядится... Не глупѣе тебя...

— Опять пѣвицы! Да провались онѣ совсѣмъ.

— А ѣхать меня подбиваешь. И такъ меня нонче растрясло всю... извозчикъ даже два раза плакалъ, а ты жену не жалѣешь. Богъ съ тобой! Другой бы хорошій мужъ всякое бы женѣ сочувствіе, а ты ее стараешься изувѣчить.

— Я тебя изувѣчить?

— Такая дорога кого хочешь изувѣчить... А я женщина сырая, напуганная со всѣхъ концовъ... я давеча какъ пугалась, страсть! Какъ полозъ-то по камню заскрѣпить, такъ я сейчасъ визжать! Проходящіе даже обращали вниманіе...

— Не визжала бы, никто и вниманія не обратилъ бы...

— Не могу. Пугаюсь я. Думаю, вотъ сейчасъ со мной какое-нибудь несчастье...

— Какое несчастье?

— А я почему знаю. Ни одинъ человѣкъ не можетъ впередъ знать, какое съ нимъ несчастье приключится. Аннушка сестрица намедни шла по улицѣ, поскользнулась, упала и ногу перело-

мила. Могла она предвидѣть, что у ней нога вдругъ пополамъ?

— Такъ вѣдь она упала, а ты въ саняхъ сидишь...

— И я могла изъ саней вывалиться. Пей чай то, авось изъ тебя паромъ прожоръ то выйдетъ!

— Ну, тебя, не хочу...

Яковъ Семеновичъ отодвинулъ стаканъ и зашагалъ въ свой кабинетъ.

— И что за народъ эти мужчиники, — бормотала его супруга, наливая себѣ чуть не десятую чашку, — тянетъ ихъ на всякую пакость и кончено... То-ли дѣло дома: сидишь ты въ теплѣ, пьешь чай въ свое удовольствіе, ни тебя тряхнетъ, ни тебя толкнетъ... Глупый народъ! Совсѣмъ глупая публика!..

А Яковъ Семеновичъ стоялъ у окна въ своемъ кабинетѣ и, прильнувъ лбомъ къ холодному стеклу, смотрѣлъ на улицу...

По улицѣ во всѣхъ направленіяхъ сновалъ народъ, тащились, скользя, пролетки и мчались санки, изъ-подъ полозьевъ которыхъ по временамъ вылетали искры.

— Полный мажоръ на улицѣ! — проговорилъ онъ, отходя отъ окна и шагая по кабинету, — кумъ въ «Московскій» къ восьми обѣщалъ пріѣхать. — Отдѣлаюсь, говоритъ, отъ домашнихъ обузъ и прямо въ залу... Надо и мнѣ того... Отдѣлаться... «Встрѣтись съ тобой, ангелъ ты мой» — за-

мурлыкалъ онъ подъ носъ пѣсенку, — «готовъ забыть я цѣлый мі-ръ. Ты для меня-я»...

— Извѣстно для тебя, а не для кого жъ еще!—говорила супруга, появляясь въ дверяхъ,— и что ты ни скажешь, завсегда глупое... Я не пѣвица, которая для всѣхъ...

— Я не про это... не дослушаешь меня, какъ слѣдуетъ, и начнешь перебивать...

— Орешь вѣдь: «ты для меня»...

— Поужинать чего-нибудь оставь, хотѣлъ я сказать... гуся нынче жарили?

— Гуся-то жарили, только если ты думаешь за городъ...

— На кой мнѣ шутъ твой «за-городъ»... Ты не ѣдешь, и мнѣ тамъ дѣлать нечего. Звалъ тутъ одинъ должникъ на чашку чаю... не платить, понимаешь... и не хотѣлось бы мнѣ ѣхать, потому сумму незначительную долженъ, ну, а теперь передумалъ... надо другихъ кредиторовъ поддержать.

— Врешь ты все! Все молчалъ, молчалъ, и вдругъ— не платить.

— Говорю, сумма незначительная.

— Ну, и не ѣзди.

— Нельзя, мать. Должникъ то ужъ очень человѣкъ хорошій, просилъ пріѣхать и его руку поддержать.

— Не пойму я тебя, и кредиторовъ ѣдешь поддерживать, и должника...

— И понимать ты не можешь, потому въ

торговомъ дѣлѣ ни уха, ни рыла не смыслишь... и кредиторы просили прибыть непременно, и должникъ. Поняла? Очень даже просто, а ты ерундишь... Обмануть ихъ довѣріе не желаю.

— Меня только, какъ видится, ты обманешь.

— И этого не желаю. Студень, кажется, у насъ есть?

— Есть.

— Студень тоже оставь. Или нѣтъ, гуся одного... лучше гуся, а то студень на ночь какъ будто тяжель. Ну, прощай, мать!

— Сейчасъ развѣ ѣдешь?

— Ровно въ восемь у насъ засѣданіе.—Водки не оставляй! Ну, ее... На ночь не хорошо.

— Приѣдешь-то когда?

— Какъ засѣданіе продлится... можетъ, часъ, а можетъ и три, вообще ты ложись спать, а я въ кабинетѣ, чтобъ не беспокоить... адью!

Спустя четверть часа, Яковъ Семеновичъ былъ уже на улицѣ, садился въ первыя попавшіяся санки извозчика и командовалъ:

— Луи, милый, прямо въ «Московскую»!... Мажоръ!

М и н о р ъ.

Всюду миноръ по сезону: миноръ въ тоскливой, осклизлой природѣ, точно потерявшей всякій интересъ къ жизни и изливающей свою тоску то дождемъ, то снѣгомъ,—миноръ въ обществѣ, миноръ въ театрахъ, миноръ даже въ медицинѣ...

И «въ городѣ», въ этомъ центрѣ кипучей, буржуазной жизни, такъ же минорно, какъ и вездѣ: вяло на биржѣ, да не оживленно и въ магазинахъ съ трехсаженными зеркальными окнами...

Наша русская осень—это какой-то кошмаръ, который съ одинаковымъ удовольствіемъ давить и неврастеника съ его развихлявшимися до послѣдней крайности нервами и жизнерадостнаго прожигателя жизни...

На что ужъ, кажется, жизнерадостенъ былъ лѣтомъ Григорій Савельичъ Скопидомовъ, и тотъ осенью впалъ въ миноръ.

Да въ какой миноръ-то, — мѣста себѣ не находить и ничѣмъ доволенъ быть не можетъ,